

АЛЕКСАНДРА
БАРКОВА

**ВВЕДЕНИЕ
В МИФОЛОГИЮ**

(CULTURE)

Александра Леонидовна Баркова

Введение в мифологию

Серия «Black Books»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43319224
Введение в мифологию: РИПОЛ классик; Москва; 2019
ISBN 9785386138370

Аннотация

«Изучая мифологию, мы занимаемся не седой древностью и не экзотическими культурами. Мы изучаем наше собственное мировосприятие» – этот тезис сделал курс Александры Леонидовны Барковой навсегда памятным ее студентам. Древние сказания о богах и героях предстают в ее лекциях как части единого комплекса представлений, пронизывающего века и народы. Мифологические системы Древнего Египта, Греции, Рима, Скандинавии и Индии раскрываются во взаимосвязи, благодаря которой ярче видны индивидуальные черты каждой культуры. Особое место уделяется мифологическим универсалиям, проявляющимся сквозь века и тысячелетия.

Живой язык, образная, подчас ироничная подача самого серьезного материала создает эффект непосредственного общения с профессором, на лекциях которого за четверть века не уснул ни один студент.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	5
Лекция 1. Понятие мифа	8
Лекция 2. Мифологическая картина мира	21
Эволюция мифологического мышления	37
Лекция 3. Герой шаманского мифа	45
Первопредок	50
Враг	60
Лекция 4. Миф, эпос и сказка	65
«Исторические корни волшебной сказки»	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Александра Баркова

Введение в мифологию

© Баркова А. Л., текст, 2018

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИ-ПОЛ классик», 2018

Предисловие

Что ж... Спустя почти четверть века с того дня, как я впервые поднялась на кафедру УНИКа, чтобы прочесть первую лекцию первого семестра, этот курс выходит книгой.

Сразу скажу: это не учебник. Это не научно-популярная книга. Это – учебное пособие. Учебник (или популярную книгу) прочел – и владеешь темой.

А эта книга предназначена совершенно для другого. Она предназначена для того, чтобы служить ориентиром.

Кто ты, мой читатель? Возможно, ты не хуже моего разбираешься в «Старшей...» и «Младшей Эддах», а о Древнем Египте прочел поболее, чем я. Возможно и наоборот: ты знаешь о мифологии только то, что хочешь в ней разобраться, и ищешь, с чего бы начать.

В обоих случаях эта книга для тебя.

Ведь эти лекции были адресованы первокурсникам.

В наш УНИК (когда-то это было сокращение от «Университет истории культур», потом нам пришлось переименоваться в институт и «УНИК» стало просто названием) приходили люди очень разные, некоторые – сразу после школы, некоторые – за вторым высшим, одни начитанные, другим надо было объяснять азы, но все они были на удивление талантливыми и увлеченными. Мне надо было читать курс так, чтобы подготовленные не засыпали от скуки, а вчераш-

ние школьники понимали бы незнакомый материал. Поэтому моей задачей было не сообщение им информации как таковой, а приведение информации в систему.

Ведь мифология потому и заслуживает изучения, что объясняет глубинные механизмы нашего мировосприятия. Представления, которым сорок тысяч лет, оказываются, к нашему удивлению, актуальными, современными и живыми.

Поэтому в этой книге нет пространных пересказов мифов. Их легко можно найти в трудах других ученых. Основные из этих трудов указаны в списке литературы, но можно опираться и на другие, благо за последние годы написано и издано огромное число прекрасных книг. В начале 2000-х, когда Интернет начал входить в нашу жизнь, я собрала многое из необходимой литературы на своем сайте «Миф.ру» (www.mith.ru) и в лекциях иногда упоминаю об этом.

Когда меня спрашивали, почему у меня за столько лет не вышла монография, я отвечала, перефразируя известный анекдот: «Чукча не писатель, чукча – сказитель». Я привыкла к разговору со студентами, к вопросам в аудитории, к вопросам от них... Поэтому за четверть века я так и не нашла в себе сил остаться один на один с чистым листом. К счастью, издательство «Рипол-Классик» предложило выход: опубликовать аудиокурс, который я записала в 2007 году для нашего дистанционного отделения¹. При издании мы сохранили

¹ За исключением лекции «Во что верил Рим?» в книгу вошла расширенная версия лекции по римской мифологии, прочитанная в 2016 году в курсе автор-

формы живой речи, и кого-то, возможно, удивит излишняя «разговорность» лекций. Что ж, на это я могу ответить: моим студентам так было легче воспринимать материал. Мне кажется, будет легче и читателю.

Лекция 1. Понятие мифа

Мы будем заниматься мифологическим мышлением. Что это такое? Чем мифологическое мышление отличается от мифологии славянской, египетской и какой угодно? Примерно тем же, чем скелет человека отличается от человека как индивидуальности. То есть мифологическое мышление – это то, что было, есть и, вероятно, будет. Это то, на чем построена не только древняя культура, но и культура современная. На универсалиях мифологического мышления в огромной степени строится, например, современная реклама. В какой-то степени на них строится вообще современное искусство. И несовременное тоже. Итак, есть некие универсалии, которые существуют помимо нашего сознания. Они находятся на уровне подсознания. Они не меняются с течением веков и тысячелетий. Они, естественно, не отличаются у разных народов. Хотя, конечно, у каждого конкретного народа они наполняются неким конкретным содержанием, конкретной формой. Конечно, надо уметь различать, где мы имеем дело с универсальным представлением (и, соответственно, надо делать акцент на том, что это представление универсальное), а где-то надо все-таки делать акцент на частностях, потому что частности – это, собственно, то, что составляет нашу национальность. Всё это тоже не менее важно, чем универсалии, просто надо правильно расставлять акценты в

каждом конкретном случае.

Что же в таком случае миф? Сразу хочу подчеркнуть, что, хотя мы привыкли под словом «миф» подразумевать некие сказания о том, как какой-то там бог соблазнил какую-то там очередную смертную или не очень смертную женщину (что нам в основном известно по мифам Древней Греции, хотя это тоже не совсем так), мы под словом «миф» подразумеваем не сказания. Мы под словом «миф» подразумеваем представление. И это представление может воплощаться или словесно (в форме мифа, рассказа), или же изобразительно (изображения богов в любом музее истории искусств), и, наконец, миф может воплощаться через действия, то есть в ритуале. Например, когда кто-то видит черную кошку, совершает некие ритуальные действия, чтобы она зла не принесла, то это ритуальные воплощения мифа на примитивном уровне. Но мы будем это называть суеверием, потому что каждый человек скажет, что он во всё это не верит. Но когда человек подчеркивает, что он не верит, но совершает действие, – это суеверие. А когда верит – это миф.

Итак, миф воплощается в одной из трех форм. Но и не обязательно только в одной, может сразу и в двух, и в трех: словесной, изобразительной и ритуальной. Мы, конечно, в основном будем иметь дело с мифами, воплощаемыми словесно, но не всегда. Другие формы тоже будут. Итак, миф – это некое представление. Но какое? Чем мифическое представление отличается от немифического? Тем, что в основе

мифологического мировосприятия всегда лежит представление о двух мирах: мире людей и ином мире. И эти два мира взаимодействуют. Таким образом, миф – это представление, основанное на взаимодействии мира людей и иного мира (мы можем называть его потусторонним). Но слово «потусторонний» мне не нравится, потому что для мифологически мыслящего человека он никакой не потусторонний. Например, человек живет в доме, в котором есть домовый. Ну какое же это потустороннее существо? Это уже, можно сказать, член семьи. В какой-то степени даже старший член семьи. Ничего потустороннего для мифологически мыслящего человека здесь нет. Это «потустороннее» только для исследователя, атеиста.

И еще один очень важный момент. Я уже неоднократно употребляла выражение «мифологическое мышление». Этот термин прижился в науке. Нам от него уже никуда не деться, мы уже на него обречены. Но тем не менее необходимо признать, что мифологического мышления не существует. Как так? Дело в том, что мышление подразумевает логический анализ, в то время как мифология основывается совершенно на другом. Она основывается на эмоциональном восприятии действительности. Если взять уже упомянутый случай с черной кошкой, то логически, разумеется, ее появление в себе никакого вреда не несет. Почему человек плюет через левое плечо и разламывает палочку, если встретил черную кошку? Потому что это бьет по его эмоциям, он ис-

пытывает чувство страха или некоего дискомфорта. Стало быть, миф – это иррациональное переживание действительности, которое основано на взаимодействии мира людей и иного мира и может воплощаться словесно, изобразительно или через действие, то есть ритуально. Это мы и будем понимать под словом «миф».

Обобщая, мы можем сказать довольно жестко: всё, что мифологично, эмоционально. И практически всё, что эмоционально, в той или иной степени мифологично.

Миф основан на противопоставлении: «свое» и «чужое». Причем в мифологическом мировосприятии (далее я буду говорить «мышлении» в силу научной традиции, но надо помнить, что это все-таки не мышление») всё «свое» воспринимается положительным независимо от его неких объективных качеств. Оно «свое», и поэтому оно – хорошее. Как только мы сталкиваемся с таким представлением, всё прекрасно, логика отдыхает, логика выключена, пошла чистая мифология. А соответственно, всё чужое воспринимается как потенциально опасное, как потенциально враждебное и, применительно к антуражным (традиционным) мифологиям, как колдовское. Понятно, что такая картина, как противопоставление «своего» и «чужого», очень хорошо ложится на советскую идеологию. И действительно, в последние два десятилетия появилось очень много работ, где ценности советской культуры и мировоззрение советской эпохи рассматриваются строго именно в рамках классической ми-

фологии. И кстати, из этого мы делаем простой вывод: мифологическое мышление не связано с религиозностью. И иногда даже одно другому довольно сильно вредит. В советское время, как известно, религии не было. Она была отменена. Был атеизм. А мифология цвела пышным цветом, потому что религия ей не мешала. Всё «свое» мыслится благим, всё «чужое» – потенциально опасным, колдовским. Возьмем более антуражный пример. Приезжает американский этнограф к австралийским аборигенам, записывает их сказания. Те его принимают, потому что считают его своим предком (кстати, любопытный факт, что австралийцы действительно верили, что британцы – их предки, потому что у австралийцев обитатели мира мертвых представляются белотелыми, а австралийцы, как вы знаете, смуглые). Итак, они его принимают, но предупреждают не ездить за те холмы, потому что там якобы живет очень злое племя, которое может его заколдовать и съесть. Естественно, британец не слушает их советов, едет за те холмы, и там, можно догадаться, ему говорят то же самое. Этот пример можно спроецировать на советское время, на «железный занавес». От австралийцев в этом смысле мы отличаемся достаточно мало.

Кто у нас населяет иной мир?

К иному миру относятся, естественно, боги классических архаических или не очень классических мифологий.

Следующий класс – божества (в русской мифологии: русалки, домовые, лешие). То есть существа, которые живут

бок о бок с человеком, живут с ним в одном доме, живут с ним на одной территории. Их культ, представление о них, сосуществование рядом с ними играло и играет до сих пор очень-очень большую роль. Может показаться, что в нашем современном обществе поверий о леших нет, но если поговорить с серьезными туристами, то они много интересного расскажут. А если вам удастся разговорить серьезного спелеолога или серьезного альпиниста, то там такого будет и вовсе предостаточно. Не могу не заметить, что чем больше профессия (род занятий) связана с риском, тем больше будет уровень мифологизации. И кстати, такие представления (об ином мире) будут достаточно ревниво охраняться и далеко не всегда выдаваться вовне. Чтобы записывать, допустим, современные поверья о леших, можно далеко не всякого туриста разговорить, и далеко не всякий турист согласится это рассказать. Потому что для него это действительно очень серьезный вопрос, он с этими силами взаимодействует. Не будем говорить о том, существуют они или нет, поскольку это вопрос веры.

Отдельная категория обитателей потустороннего мира – мертвецы. Забегая вперед, скажу, что во всех языческих мифологиях загробная жизнь не определяется тем, был ли человек добрый или злой, праведный или неправедный (понятие праведности и неправедности – это к монотеизму, но ни в коем случае не к язычеству). В любых языческих мифологиях загробное бытие определяется формой смерти и фор-

мой погребения. Если человек умер правильной смертью, то есть обычной смертью, то, соответственно, после смерти он переходит в категорию предков и затем определенным образом, в рамках этой категории, взаимодействует с живыми в ходе специальных праздников, специальных ритуалов и т. д. Если же человек умер слишком рано или слишком поздно, если он был убит или, хуже того, покончил с собой, если он не был похоронен, был похоронен не должным образом – одним словом, если он умирает неправильной смертью, он переходит в гораздо менее приятную категорию, пополняет собой огромный корпус нечисти: всевозможные вампиры, упыри и другие не очень привлекательные персонажи. Итак, мертвые – это совершенно особая категория обитателей иного мира.

Следующая категория – это животные. Животные с завидной регулярностью мифологически маркированы. Иногда в определенных ситуациях животные оказываются мифологически значимы, хотя в обычной жизни мы к ним так не относимся. Пример из моей личной полевой практики. Приезжаем мы в украинскую деревню с фольклорной экспедицией от Института славяноведения под руководством Никиты Ильича Толстого (внука Л. Н. Толстого). Как празднуется свадьба? Вот так-то и так-то, но на свадьбе обязательно должен быть кот. Через год приезжаем в деревню, которая находится приблизительно в пятидесяти километрах от первой. Как празднуется свадьба? Вот так-то и так-то. Но на сва-

дьебе категорически не должно быть кота. И опять-таки каким-то образом это объясняется. Оставим вопрос о том, должен ли быть все-таки кот на свадьбе. Что мы имеем? Совершенно обычное домашнее животное. В обычной жизни никакой мифологической роли не играет. Но свадьба – переход из холостого состояния в семейное. Раз состояние перехода – значит, это зона риска, зона повышенной эмоциональной окрашенности. И в этой ситуации обычное животное мифологизируется. И в этой ситуации кот оказывается мифологически значим, и поскольку он здесь мыслится носителем определенных сил, то эти силы мы можем или принимать, или отвергать. И соответственно, в деревнях, расположенных сравнительно недалеко друг от друга, решения принимаются противоположные.

Итак, мы уже имеем такие категории: боги, божества, обитатели мира мертвых, животные.

Последняя категория существ иного мира – соседние народы, которые в большей или меньшей степени мифологизируются всегда. Вот сейчас благодаря глобализации это потихонечку уходит. И то у нас хватает совершенно немислимых мифов про другие народы. Идем дальше.

Уже была упомянута одна черта мифологического мышления, которая чрезвычайно важна: это тождество противоположностей (пример с котом на свадьбе). Почему оно оказывается возможным? Потому что когда какой-то объект ярко мифологически эмоционально окрашен, то, соот-

ветственно, он вызывает весьма сильные эмоциональные переживания, которые могут быть как с плюсом, так и с минусом. От любви до ненависти один шаг. От ненависти до любви, в общем, не многим больше. То есть чем мифологичнее какой-либо объект, тем противоположнее может быть его восприятие. Это особенность мифологического мышления. Она была подмечена очень давно. Но именно через эмоциональное восприятие оно, насколько я помню, никогда не объяснялось. Это надо очень хорошо понимать.

Возьмем пример более антуражный. Греческая мифология. Рождается у Леды от Зевса, пришедшего к ней в образе лебедя, прекраснейшая из всех смертных женщин дочь Елена. Всё замечательно. Она живет у земного мужа Леды. И приходит время выдавать Елену замуж. И оказывается парадоксальная ситуация: за красивейшую из женщин никто не хочет свататься. Почему? Формально это объясняется тем, что каждый боится, что он женится на Елене, а ее тотчас украдут. На самом деле это позднейшая рационализация. Речь идет о том, что сверхкрасота, как и сверхуродство, решительно отталкивают. Потому что это то, что не входит в привычный людям уровень бытия, в привычный людям образ жизни. И это одинаково отталкивается, одинаково отрицается. Кстати, очень часто в разнообразных сказаниях мы встречаемся с тем, что персонаж, особенно негативный, может одновременно восприниматься и как сверхпрекрасный, и как сверхуродливый или менять облик с одного на другой.

Это обычная ситуация. Если кто хорошо помнит курс алгебры, то в классе пятом изучается такая величина, как модуль. Допустим, есть пределы красоты и уродства или каких-либо других качеств по модулю. Пределы – в данном случае для человека. Если за эти пределы существо выходит как в лучшую, так и в худшую сторону, то всё – это нелюдь. Кстати, в связи с этим не могу не заметить, что наш с вами язык прекрасно сохраняет представление о том, что далеко не всякое существо, похожее на человека, является человеком. Мамы у нас иногда напрасно ругают так своих детей: «Когда ж ты у меня человеком станешь?» Конечно, такая мама не верит в то, что существо рождается еще не вполне человеком, но язык это еще сохраняет. Или же выражение, что таким-то путешественникам, шедшим через опасные земли, было предсказано, что они *вернутся живыми*. С точки зрения логики это очень смешно. Как будто бы можно вернуться мертвыми. С точки зрения мифологии всё нормально. То есть, действительно, у нас на протяжении тысячелетий было представление о том, что в чужих краях тебя заколдуют, съедят, а в твоем облике явится какой-нибудь демон или ты вернешься в состоянии ходячего трупа. А такому вампиру надо что-то есть, ты будешь пожирать своих бывших сородичей. И соответственно, предсказание, что человек может вернуться не живым, когда-то было вполне актуальным. А сейчас оно просто сохраняется в языке. Таково мифологическое мышление в самых общих чертах.

Следующий важный момент. Если мы находимся внутри некоего круга эмоциональных переживаний, то естественно, что законы, по которым самые разные явления в этом круге отождествляются, нам понятны, потому что мы по ним живем. Как только мы оказываемся вне такого круга переживаний, то сразу же начинается восприятие таких отождествлений, как «чушь собачья». Приведу простой пример. Допустим, мы перенесемся в советское время. Нам надо нарисовать стенгазету «Да здравствует советская пионерия!». Что можно взять в качестве эмблемы для такой газеты? Пионерский галстук, барабан, пионерский значок, горн, костер. Можем нарисовать отдающего салют пионера. Или пионерку. Можем нарисовать отряд пионеров. Для человека, который представляет себе советскую действительность, понятно, что всё это абсолютно равнозначные символы советской пионерии для эмблемы такой стенгазеты. Они все годятся в равной степени. Это просто понятно и очевидно. Но из этого следует, что для нас именно в данных рамках абсолютно равнозначны: кусочек красного шелка, кусочек металла, мальчик, девочка, мальчик и девочка, вместе взятые. В рамках символа, в рамках эмоционального переживания они все полностью тождественны. Но как только мы выходим за пределы этого символа, то, понятно, мы мальчика от девочки прекрасно отличаем.

Если взять пример поантуражнее, – перенесемся на тысячу лет назад. Для древнего славянина, если он поклонялся

Перуну, гроза, молния как атмосферное явление, кабан как животное, топор, дуб или кабаний клык (предмет, который можно повесить на шею), меч, найденный в земле нож палеолита – это всё абсолютно равнозначные вещи в рамках данного культа. Ведь всё это символы громовержца. Всё это символы Перуна. Если мы берем советский пример или более далекий славянский пример, это для нас понятно. А если мы возьмем пример из современности, но не наш, то сразу начинаются разные проблемы. Если мы возьмем субкультуру толкинистов, то можно заметить, что для многих толкинистов в 90-е (а отчасти и сейчас) было вполне естественно воспринимать свой деревянный меч как стальной и обращаться с ним с соответствующими запретами, которые распространяются на стальное оружие. В 90-е годы было вполне естественно свою фенечку (бисерный браслет) воспринимать как некий символ чего-то или какого-то конкретного персонажа, связанного с миром Толкиена. Например, не позволять прикасаться посторонним, определенным образом с этим взаимодействовать. Это отнюдь не значит, что у такого человека «не все дома». Это ровно тот же самый случай. Не просто так в самоопределениях самих толкинистов есть степени «толкинутости». Мне очень нравится последняя степень толкинутости: «Психиатр говорит, что всё в порядке, но мама не верит». И конечно же еще говорит: «Ну когда ж ты у меня человеком станешь?», не очень отдавая себе отчета в том, какую замечательную вещь она говорит с точки зрения

мифологии. Этот пример для носителя данной субкультуры вполне естественный, а для постороннего человека он чуждый и сразу же вызывает смех или по крайней мере недоумение. Просто потому, что человек сам в этот круг представлений не входит. А здесь тот же самый принцип – как только вещь эмоционально окрашена, она становится неким символом и функционирует по совершенно другим законам. В обычной жизни человек, будь он даже толкинистом, дерево от металла отличать умеет. Так же как и мы пионерку от пионера отличим, в смысле мальчика от девочки.

Лекция 2. Мифологическая картина мира

Начнем вот с какого важного момента. Мы уже говорили о том, что все свое при мифологическом мировосприятии воспринимается положительным и поэтому «мир своего» – это мир законов. В тех редких случаях, когда в «мире чужого» тоже подразумеваются какие-то законы, это значит, что у нас законы хорошие, а у них законы плохие. Как правило, «мир своего» – это мир законов, «мир чужого» – это мир беззакония. Соответственно, «мир своего» (мир порядка) по-гречески – «космос». И межзвездное пространство здесь совершенно ни при чем. «Мир чужого» – «хаос». Где и как помещает мифологическое мышление «мир своего»? В центре. Маяковского можно по этому поводу вспомнить («Начинается земля, как известно, от Кремля»). Если взять мифологии поантуражнее, то очень многие народы свою землю называли «срединная земля» (например, древняя индийская Магадха). «Срединный мир» – «Китай» в переводе с китайского. И у скандинавов это было, и на Чукотке это было, и т. д. Итак, «мир своего» находится в центре. И от «мира чужого» он отделен мировой оградой. Вопрос: где у нас силы порядка, силы космоса, силы своего сконцентрированы в максимальной степени? С одной стороны, если наш мир –

это центр, то центр нашего мира, совершенно очевидно это средоточие блага. С другой стороны, если у нас будет слабая ограда, то совершенно очевидно, что враждебные силы прорвутся. И таким образом, самой сильной должна быть ограда. И тогда где же у нас наибольшее сосредоточение сил блага? В центре или на границе? Если у нас мифологическое мировосприятие базируется на тождестве противоположностей, то конечно же максимальное сосредоточение сил блага – это и центр, и граница в равной степени. Откуда возникает такая прелесть, как тождество центра и границы? Сейчас мы уже переходим к понятию «мировой оси», которая может восприниматься в качестве горы. Но хочу привести один очень яркий пример по поводу тождества центра и границы. Итак, центр может восприниматься в виде горы. Прекрасно. Берем греческую мифологию. Берем подвиг Геракла. Яблоки Гесперид. «Геспериды» – имя, происходящее от греческого «геспера», то есть «вечер». Значит, они находятся где-то там, где Атлант. Остров в Атлантическом океане. В общем, это на западе, это вечерняя часть мироздания. Соответственно, Гераклу надо идти из Греции за Геркулесовы столбы, то есть за Гибралтар, на этот самый остров. Другими словами, из Греции надо идти на запад. По священному принципу истинного героя «для бешеной собаки семь верст не крюк» он идет на крайний восток греческого мира, он приходит к Кавказским горам, где прикован Прометей – брат, между прочим, Атланта. Геракл его освобождает.

ет с очень важной целью – спросить, как пройти к Атланту. Для этого надо из Греции пешком сбегать на Кавказ. И Прометей говорит ему, как пройти. Геракл добирается до острова Атланта, и дальше уже происходят всем известные события. Значит, по логике вещей должен быть образ – одна гора в центре мира. Вместо этого мы имеем очень яркий пример как раз тождества противоположностей – два брата, оба богоборцы, один – сам как гора (Атлант, держащий небо на плечах), другой – прикован к горе. Один – на крайнем востоке греческого мира, другой – на крайнем западе греческого мира. И путь к одному одновременно становится и путем к другому. То есть с точки зрения мифологической логики здесь все выдержано абсолютно идеально. Из чего следует, что законы здесь, безусловно, есть, хотя они иные, чем в логике, так сказать, эмоционально не окрашенной.

Итак, это пример на отождествление центра и границы. В других сказаниях будет все не так красиво, как у греков. Когда дойдем до индийских сказаний, там герои в финале отправляются *за пределы* мира людей, где приходят к мировой горе, которая, по логике вещей, является центром мироздания. Ну вот и спрашивается – центр это или граница? Теперь это кажущееся несоответствие уже не должно удивлять. Это именно очень четкий пример на тождество противоположностей.

Еще несколько слов о мировой ограде. Она может мыслиться как горный хребет, не одинокая гора, а именно гор-

ный хребет. Например, в шумеро-вавилонской мифологии. Она может мыслиться как река. И это наиболее распространенная форма. Кстати, эта река может восприниматься и как река жизни, и как река смерти. Очень красивый пример у греков – это Стикс, река в мире мертвых в подземном царстве, водами которой клянутся боги. То есть река – граница мира живых и мира мертвых, которая воплощает в себе как раз в максимальной степени закон. Это закон уже не просто для людей, а это закон и для богов. Это закон, который стоит выше всего и выше всех. При этом парадоксальным образом река находится внизу, в подземном мире. Это то, что касается границы.

Теперь о мировой оси. О мировой оси написано очень много. О ней можно найти в любом справочнике, в любой энциклопедии, в любой мало-мальски пристойной книге по мифологии. Поэтому о ней здесь будет сказано достаточно кратко. Какие существуют формы мировой оси? Опять же в любом справочнике можно найти указания на две ее формы – это мировое древо и уже упомянутая мною мировая гора. Это все правильно, но не совсем. Потому что существует третья форма – это мировой великан. С третьей формой маленькая проблема. Поскольку традиционно миф воспринимается как миф-повествование, то мировой великан встречается редко и практически только в одном регионе земного шара – это Средиземноморский регион. Понятно, что Атлант – антропоморфное воплощение мировой оси. Он изве-

стен широко. А кроме него, примеров практически нет. Они есть, но они известны только узким специалистам, и, в любом случае, эти примеры не выходят за пределы средиземноморских мифологий. Но мировой великан очень широко представлен в не повествовательной, а именно в изобразительной мифологии. Особенно это касается памятников и плакатов. На плакате все очень четко предстает. Давайте себе представим картину Павла Корина «Александр Невский». Мало того что там главный герой изображен весь закованный в железо с головы до пят (что создает впечатление, что он облачен как псы-рыцари Тевтонского ордена, которых он на самом деле громил). Это объясняется исключительно мифологическим восприятием героя, который имеет стальное тело. И кстати, в связи с советской мифологией невольно вспоминаешь псевдоним «Сталин». Итак, Александр Невский Павла Корина изображен с очень низкого ракурса, так что ему дружина приходится чуть выше чем по щиколотку, а собор на дальнем плане – чуть выше чем по колено. Мне очень жаль советских художников, которые, используя законы перспективы, просто вынуждены были мучительно выворачивать ракурсы так, чтобы главному герою обычные люди должны были быть не выше чем по колено. Хотя то же самое делали уже в древности, в том же Древнем Египте, но безо всяких проблем, без использования законов перспективы. И эти примеры мы видим очень часто. Мне в свое время удалось осмотреть огромное количество картин на военную те-

матику. Там были и произведения искусства, и соцреализм в худшем виде, и чего там только не было: Великая Отечественная, богатыри, Отечественная война 1812 года и т. д. Где-то на втором десятке я поняла, что девяносто процентов картин дают нам или же врага не выше ростом, чем по колена герою (разумеется, с применением законов перспективы), или же какой-то локальный горизонт примерно на уровне колен героя. Иными словами, наше сознание очень хорошо сохраняет представления о том, что герой в три (три с половиной) раза выше обычного человека. Дальше можно пройтись по городу и посмотреть на памятники. Если мы посмотрим, какой высоты памятники, разумеется с учетом пьедестала и всех ступенек, к нему ведущих, то по отношению к росту обычного человека подавляющее большинство памятников отлично вписывается в это соотношение – три, три с половиной раза выше человека. Будь то столб в виде Гоголя или памятник Пушкину, будь то хоть конная скульптура Жукова. Дальше у нас есть еще архитектура. А в архитектуре есть монументализм. Как раз в сталинское время, как известно, зданий строилось много. И если мы в Москве пройдем мимо корпуса Министерства обороны, построенного как раз в сталинское время, то там для удобства мифологических наблюдений при дверях стоит часовая. Поэтому посчитать очень просто. Мы видим, что дверь в три раза выше человеческого роста, а над дверью там такое полукруглое окно или не окно, не знаю, как это назвать, полукруглое завершение, ко-

торое дает нам необходимую половинку. То есть чтобы этот «стальной великан» прошел. Так наше сознание очень четко хранит представление о некоем существе, которое является воплощением каких-то благих сил, они могут быть связаны с защитой Родины, они могут быть связаны с символом литературы (хороший памятник Пушкину, ужасный памятник Гоголю в виде столба), они могут быть связаны с символом науки и т. д. Этот список легко продолжается. То есть некий человек, являющийся воплощением какой-то из благих сил. И он будет отлит из металла или высечен из камня с общей высотой в три или в три с половиной раза выше роста человека. И долгое время я не могла понять, откуда взялось такое соотношение. Почему именно так? Почему не меньше? Почему не больше? Устойчивость его для меня была уже тогда очевидной. Но потом нашелся и ответ. Возьмем рост современного мужчины – в среднем где-то 170–180 см. А человек рождается с длиной тела, как известно, 50 см. Дальше начинаем глазки открывать, начинаем глазки сводить в фокус, видим маму и папу и как раз получаем это самое соотношение. То есть оно идет из нашей младенческой памяти, из нашего младенческого – еще даже не детского – восприятия роста родителей.

Это мы взяли пример антропоморфной мировой оси. Еще буквально несколько слов о других примерах.

Следующий пример – это мировая гора. Естественно, что в данном случае мы будем иметь четко маркированную точ-

ку. Вполне очевидно, что это будет ее вершина. Как говорил один хороший экскурсовод, Олимп – это гора на севере Греции, на которой в древности жили боги. Тоже прекрасный пример на мифологичность нашего мышления, хотя, казалось бы, человек не относил себя к греческим язычникам. Итак, вершина мировой горы. К какому миру она принадлежит? Миру людей или миру богов? Совершенно очевидно, что она принадлежит обоим мирам. Я напомним еще раз, что мир богов – это «мир чужого». Это иной мир. И заметим, что для абсолютно любого язычества бог не есть воплощение блага. И это отличает язычество от монотеизма. Это надо очень четко понимать. Знак равенства между богом и благом (и, кстати, слова эти по своему происхождению однокоренные) был поставлен в монотеистических религиях. Но ни в коем случае не в язычестве. Очень хорошо по этому поводу сказал замечательный ученый Михаил Иванович Стеблин-Каменский в своей книге «Миф»: бога язычники почитали всегда за силу, а если он оказывался добрым, то это было такой же редкостью, какой во все времена был добрый правитель. Итак, боги принадлежат «миру чужого». Другой вопрос, что боги, живущие на вершине мировой горы, – это боги наименее опасные, наименее враждебные человеку. Хотя зона риска все равно остается. И они наименее опасны именно потому, что вершина мировой горы – это в том числе и часть мира людей, то есть она принадлежит одновременно обоим мирам: и миру людей, и миру богов. И поэтому это сравни-

тельно благое место. Я замечу, что кроме общеизвестного Олимпа таких примеров очень много в мифологии Индии и стран, на которых индийская культура оказала сильное влияние. Эти примеры хорошо известны.

Вернемся к мировому дереву. Нужно сделать некую оговорку. Очень хороший, сильный исследователь Центральной Америки Альберт Байбурин подверг достаточно серьезной критике статью выдающегося ученого Владимира Николаевича Топорова в энциклопедии «Мифы народов мира» (несмотря на то что ученые в ней – замечательные и энциклопедия – замечательная, но ошибки в ней тоже бывают). Так вот там, в статье «Мировое дерево», написано, что мировая ось есть частный случай мирового дерева. Разумеется, что это ни в коей мере не соответствует действительности: ось – это абстракция, дерево – конкретное воплощение абстракции, и если представления о мировой оси есть практически везде, то образ мирового дерева присущ далеко не всем народам. Итак, мировое дерево задает нам трехчастное деление мира: верхний мир, средний мир и нижний мир. Средний мир, как правило (но замечу, что далеко не всегда), воспринимается как мир людей. Соответственно, корни мирового дерева уходят в нижний мир, в преисподнюю, которая, как правило, царство мертвых. Но опять-таки не всегда. Крону образует верхний мир, ствол соотносится со средним миром. Так и будет в большинстве мифологий. Если в случае с мировой горой у нас мифологически маркирована верхняя

точка, то в случае с мировым древом у нас будет мифологически маркирована нижняя точка, подножие мирового древа. Эта точка принадлежит одновременно и среднему миру, и нижнему миру. Нижний мир всегда во всех мифологиях мыслится как мир мудрости. Что нам по этому поводу говорил... товарищ Ленин? Он говорил совершенно правильную вещь о том, что нужно любить книгу, потому что книга – это источник знаний. Я не знаю, действительно ли это цитата из Ленина, но, во всяком случае, в советское время она висела во всех библиотеках. Так вот мы сейчас последуем совету Ленина и посмотрим, что же такое «источник знаний». Слова кроме переносного значения имеют еще и буквальное. В буквальном значении «источник» – это родник. Так вот, «источник знаний» не в переносном смысле слова, а в самом прямом бьет у подножия мирового древа. Из этого источника можно испить мудрости. Так, в скандинавской мифологии очень четко представлен сюжет, когда из такого источника верховный бог пьет и обретает мудрость. Когда будем проходить Скандинавию, будем говорить об этом мифе.

Прежде чем разбирать этот образ источника дальше, я хочу обратить ваше внимание еще вот на что: во всех мифологиях (я решительно отвечаю за слово «всех», отвечаю примерно двадцатью годами исследований) мы имеем четкое противопоставление двух видов знания. Первое: знания, получаемые логическим путем. Так, сейчас я передаю вам свои знания путем этой лекции. Совершенно очевидно, что если

сейчас, в ходе этой лекции, я волей-неволей что-то упущу, то вы от меня этого не получите. То есть эта информация передается по частям. Это один тип знаний. Он вполне понятный. Но мы постоянно в мифологии в различных сюжетах (и не только в сюжетах, как я вам покажу чуть позже) сталкиваемся с принципиально иным видом знаний. Его получают особым образом – сразу целиком. Очень много сказок о том, как герой овладевает языком животных. Банальным примером является сказка «Златовласка», где нехорошему королю приносят особую рыбу. Если ее съесть, то будешь понимать язык животных. Король сожрал всю рыбу (или всю змею). Повар, чтобы попробовать, съел маленький кусочек. И при этом язык животных они начинают понимать оба в равной степени. Здесь объем полученных знаний совершенно не зависит от объема полученного носителя. Если знания получают логически, то совершенно очевидно, что студент, который прочитал одну книгу к экзамену, будет знать меньше, чем студент, прочитавший десять книг к экзамену. Здесь же при получении знаний вот таким вот целостным образом (целостным путем) не важно, в каком количестве ты получил этот носитель знаний. Заметьте, что можно очень много подобрать и сказок, и легенд о получении знаний языка животных, получении провидческого дара, поэтического дара. И если мы берем тексты аутентичные, то есть тексты древних сказаний, то у нас всегда и везде получать это знание будут исключительно мужчины. У нас не будет ни одного

аутентичного народного сказания, где бы это знание получали женщины. Почему? Почему, кстати, женщинам принципиально не давали образование очень долго? Это было связано с тем, что, по поверьям (и я снова подчеркиваю, что это для всех народов), женщина таким целостным знанием обладает по своей женской природе. Я замечу, что, даже если мы берем такое произведение современной мифологии, как книги о Гарри Поттере, там оказывается совершенно замечательная ситуация: они еще не доехали в самой первой книге до школы, а Гермиона уже массу всего знает. Хотя школа там современная и без каких-либо дискриминаций по полу. Так этот принцип, хоть и в трансформированном виде, все равно сохраняется.

Далее. В любой хорошей книге по мифологии вы можете прочесть, что в мифологическом мышлении отсутствуют абстрактные понятия. Они заменяются конкретными представлениями. Этот пример мы как раз сейчас разбираем. Иными словами, «источник знаний» может быть в буквальном смысле слова – «родник», а может быть в переносном смысле, как эта самая змея или рыба, которую надо съесть. Заметьте, все равно все связано: если рыба, то это водная стихия, а если змея, то хотя бы связь с нижним миром. Все равно этот самый «источник знаний» вполне физический. Что же у женщины? Для женщины воплощение ее магической силы, колдовской силы, воплощение ее мудрости – это ее волосы. Откуда многочисленные запреты, связанные

с женскими волосами. Женщина, кроме самых особых случаев, тех, когда она должна обязательно заниматься некоей магической практикой, ни в коем случае не может показать свои волосы. То есть она не может опростоволоситься в буквальном смысле, показать непокрытые волосы. Я хочу заметить, что это христианство несколько подпортило картину с его абсолютизацией девственности, а у большинства народов очень четко женщина получает свою максимальную магическую силу конечно же не после свадьбы, как обычно говорят, а после рождения первого ребенка. Она сполна становится ведьмой в хорошем смысле слова. В плохом, при необходимости, тоже. Заметьте, что с источника знаний как родника, то есть водной стихии, мы перешли к женским волосам, к представлениям о том, что женщина ни в коем случае не должна показывать свои волосы никому. И заметьте, что если посмотреть на головные уборы, на прически самых разных народов, то мы видим очень четкую картину: после замужества женщине или в обязательном порядке покрывают волосы, или их стригут и все равно покрывают. Эта сила, воплощенная в женских волосах, всячески сдерживается и в прямом смысле слова скручивается, закручивается в пучок. Далее. Что общего между родником и женскими волосами? В русском языке есть прекрасное слово «волна», которое и сейчас вполне применимо к волосам, к «волнистым» волосам, а в народных диалектах словом «волна» может обозначаться просто «шерсть». Так на мифологическом плане

женские волосы и родник оказываются просто тождественны. Перед нами разные формы воплощения вот этой самой мудрости, целостной магической мудрости. Мудрости, которую если мужчина получил, то это такое исключительное событие, что о нем надо составлять отдельную легенду. Но любой бабе эта мудрость присуща по ее женской природе.

Раз уж зашла речь о нижнем мире, с которым эта мудрость связана (кстати, еще поэтому она и мыслится опасной), то здесь же нельзя не упомянуть тесно связанный с этим еще один образ – образ мира до бытия, мира до сотворения. Итак, что было, когда ничего не было? Мы можем взять начало «Книги бытия». Когда у нас говорится о тьме над бездною и духе Божьем, который носился над водами. И далее творение мира начинается с того, что Бог говорит: «Да будет свет». Мы можем взять любые другие источники. И сейчас я не буду тратить время на большой список примеров. Но картина достаточно устойчива. Чтобы проще запомнить, скажем, в шутку, что, когда ничего не было, было темно, холодно и мокро. Очень много мифологий начинают сотворение мира с появления света, причем заметьте, что свет этот никак не связан с солнцем, солнце возникает позже. А это изначальный свет, примеры которого мы потом увидим многократно. Если вначале было темно, то сотворение мира – это появление света. Если вначале было холодно, то, соответственно, сотворение мира – это появление тепла. В чистом виде это редкий миф, очень редкий миф. Я знаю только одну его ре-

ализацию – это Индия. Когда действительно все начинается с того, что возникает космический жар, из которого потом много что появляется. И наконец, если вначале было мокро, это бесконечные, беспредельные воды, и тогда сотворение мира – это появление суши. Это очень распространенный миф, очень много где он присутствует. Чтобы закончить тему сотворения мира, я не могу не заметить, что есть еще два дополнительных признака мира до бытия, которые встречаются редко, но если встречаются, то это очень красивые мифы. Когда еще ничего не было, то не было и движения. И таким образом, сотворение мира – это есть первое движение. Изобразительные воплощения этого мифа сейчас можно встретить в крупных городах в любом сувенирном киоске. Я, разумеется, имею в виду индийскую статуэтку танцующего Шивы. Шивы, который как раз своим танцем и творит мир. И наконец, когда ничего не было, то не было звуков. И таким образом, мы выкруливаем на очень большую тему – это сотворение мира звуком и сотворение мира словом. Это совершенно особый, отдельный и очень-очень мощный корпус мифов.

Теперь возвращаемся к мировой оси, к мировому дереву, у корней которого бьет вот этот замечательный источник знаний. Последнее, что с этим связано и что я хочу заметить, – что представление о нижнем мире как о мире беспредельных темных вод достаточно устойчиво и будет нам в дальнейшем встречаться очень и очень часто. Это то, что касается миро-

вой оси и мировой ограды.

Эволюция мифологического мышления

Следующая большая тема называется достаточно традиционно – «эволюция мифологического мышления».

Как я уже говорила, сам по себе термин «мифологическое мышление», устоявшийся в науке, в принципе неверный, поскольку это все-таки не мышление, а мировосприятие. И этим обусловлены некоторые сложности с описанием. Сейчас я объясню, в чем дело. Собственно говоря, описание мифологии у нас зарождалось в начале XX века, я имею в виду мощное научное описание, связанное с именем Александра Николаевича Веселовского, крупнейшего филолога конца XIX – начала XX века. Позже это были работы нашего выдающегося философа Алексея Федоровича Лосева. Но для них, скажем так, мифологическое мышление было не более чем объектом, изучение которого велось с позиций, мягко говоря, снисходительных. Некоторые важные моменты они упускали.

По Веселовскому, архаичный тип мышления (самый ранний) – это мышление синкретическое, то есть целостное. Лосев называет этот тип мышления инкорпорированным, то есть тоже целостным (просто разные иностранные корни). В своей книге «Знак. Символ. Миф» он пишет, что для носителя инкорпорированного мышления мир – это какое-то

немыслимое, бушующее море чудес, где все построено на неизвестно каком превращении неизвестно каких вещей, где нет твердых ориентиров или хотя бы четких контуров. Я уже приводила примеры из советской мифологии, когда мальчик не отличается от девочки и они оба – от кусочка красного шелка или костра. Но Лосев, разумеется, в силу того, что в советское время этого нельзя было делать (за это можно было поплатиться жизнью), не рассматривал советскую мифологию как основанную на инкорпорированном мышлении. Но между тем это ровно то же самое. И ориентиры, и четкие контуры здесь вполне есть. Просто они не понятны тому, кто находится вне этой культуры. И поэтому мне представляется гораздо более продуктивным исследование этого типа мышления, которое сделал выдающийся французский ученый Люсьен Леви-Брюль в своей книге «Первобытное мышление». Он называет этот тип мышления пралогическим. Заметьте, уже ни о какой логичности речи не идет. И он очень подробно его рассматривает на примере традиционных племен и выводит основной закон этого мышления – закон эмоционального сопричастия. То есть если какие-то два явления, объекта, предмета или две личности вызывают одинаковые эмоции, то они вот в этих рамках оказываются друг другу тождественны. Заметьте, что так может отождествляться что угодно в рамках вот этого самого круга эмоций.

Не могу не привести пример, связанный с толкинистской культурой, когда толкинисты говорят тебе, что они эльфы.

Причем если раньше они об этом говорили, то после переписи населения, согласно вполне официальным документам, появилось энное количество тысяч эльфов, а также некоторое количество тысяч хоббитов. И теперь уже ученые-этнографы имеют полное право на конференциях, посвященных национальностям, рассматривать эльфов и хоббитов как национальность, потому что официально у нас в стране они есть. И я замечу, что это особый тип людей вполне нормальных психически, потому что речь идет исключительно об эмоциональных сопричастиях, а не о нарушениях логики. Это особый тип людей с гораздо более выраженным артистизмом, с особым костюмом, скажем так, в котором всегда найдется какая-то выразительная, художественно значимая деталь. Их костюмы – это не какие-нибудь плащи из занавески, а это обычные платья, пиджаки и т. д. Но в них есть значимая деталь, которая позволяет человеку очень легко обнаружить собрата, сородича, который, казалось бы, одет очень просто и изящно. Это потрясающая отдельная тема. Это особенность современной культуры, когда на смену традиционной национальности приходит принципиально новая система. Так, в частности, национальность оказывается избираемой.

Возвращаемся к Леви-Брюлю. Он описывал одно из племен Южной Америки, которое считало себя красными по-пугаями. Естественно, что, будучи людьми психически здоровыми, они так же хорошо умели отличать человека от по-

пугая, как мы умеем отличать мальчика и девочку от пионерского галстука. Речь конечно же шла о том, что они себя с этим племенем отождествляли эмоционально. И кстати, очень странно, что пример Леви-Брюля в свое время вызвал резкую критику, потому что представление о родстве человека и какого-то вида животных очень хорошо известно в науке, это называется тотемизмом, который основывается на представлении о том, что некий конкретный вид животных является нашими братьями, причем, как правило, двоюродными. То есть был некий предок данного вида животного и данного племени людей.

Итак, инкорпорированное мышление – я просто привыкла к лосевскому термину – или пралогическое, если мы берем термин Леви-Брюля, – это мышление, основанное на эмоциональном сопричастии. У архаических племен оно будет доминировать, оно будет, естественно, основным. Понятно, что в условиях современного города, в условиях современного общества оно никак не может быть доминирующим. И даже упомянутые выше толкинисты вызывают некоторое эмоциональное отторжение именно потому, что сейчас это смотрится как некий анахронизм или нонсенс. Во всяком случае, сейчас это для нас нехарактерно. С другой стороны, на этом типе мышления строятся практически все наши приметы. Причем это касается и примет индивидуальных. Студент шел на экзамен, ничего не знал, на нервах, зашел в «Макдоналдс», взял бигмак, пришел на экзамен, вытянул

единственный билет, который он знал. Соответственно, что он сделает перед следующим экзаменом? Понятно – пойдет в «Макдоналдс», возьмет бигмак, надеясь, что это принесет ему удачу. Я, безусловно, огрубляю, безусловно, это пример достаточно примитивный, но логический ход понятен. Заметьте, как только человек попадает в зону риска, если мы возьмем студента в качестве примера достаточно близкого, все, он может быть десять раз атеистом, православным, мусульманином, кем угодно, но у него сразу начинают включаться все возможные приметы, в которые он сам демонстративно не верит. В любой рискованной ситуации, понятно, возникает эмоциональное возбуждение, все сразу начинает работать ничуть не хуже, чем у любого папуаса. И честно говоря, я в эти слова никакой иронии не вкладываю. Папуасы – вполне достойные ребята.

При этом же типе мышления у нас, естественно, формируются представления о различных удачных и неудачных вещах. Если взять студенческую мифологию, то я уж не знаю, насколько в это верят или не верят, но рассказывают достаточно активно про всевозможные магические действия во время сессии с зачеткой: халява залетает, перевязать ленточкой, чтобы не выпустить халяву, и т. д. Примеры, опять же, можно умножить, причем у каждого такие приметы будут скорее индивидуальные. Об этом, разумеется, не будут рассказывать потому, что, с одной стороны, стесняются, а с другой – предмет веры. То есть мы можем все-таки достаточно

серьезно возразить Лосеву, что при таком мышлении, при таком мировосприятии и ориентире, и контуры есть. Но для стороннего наблюдателя это действительно кажется хаосом и, как писал Лосев, «неизвестно каким превращением неизвестно каких вещей». На самом деле это неизвестно только стороннему наблюдателю. Итак, вещи мыслятся живыми. И на это я хочу обратить особое внимание. То есть на тот факт, что вещь сама по себе обладает собственной жизнью.

При следующем типе мышления мы будем использовать термин «демонологическое мышление». Об этом типе мышления Лосев писал, что от вещи отделяется ее субъект, душа вещи, говоря по-гречески – демон (даймон). Демон не в смысле «злой дух», а именно в смысле «дух вещи». И здесь, заметим, у нас будет уже очень четкое противопоставление изображения божества и самого божества. Сам по себе носитель образа – не важно, какого божества, в данном случае даже не важно, какой религии – является только знаком, не более того. Говоря очень грубо, можно вырезать фотографию иконы из какого-нибудь календаря и при отсутствии других изображений повесить и молиться на нее. И кстати, это отнюдь не только свойственно христианам. В буддизме, например, сейчас это достаточно широко распространено, а уж в 90-е годы буддисты за отсутствием соответствующих изображений только так и делали. Есть некое изображение, оно само по себе, и оно только знак соответствующего божества. Причем здесь мы уходим в очень большой пласт представ-

лений о демоне (даймоне), но опять же демон не злой дух, а именно дух-покровитель. Дух-покровитель поэтов, музыкантов, художников. Все наши представления о музе – это очень четкое воплощение демонологического мышления. У Пушкина в стихотворении «Поэт», когда он подробно рассказывает, что «меж детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он. Но чуть божественный глагол до слуха чуткого коснется, душа поэта встрепенется, как пробудившийся орел...» и т. д. Здесь же и то, о чем говорят гораздо меньше, – представление о божественных супругах. То, что в Европе дало очень грубое представление об инкубах и суккубах, то есть демонах, вот тут уже в нехорошем смысле слова «демонах», демонах женского и мужского пола, которые приходят – женского пола к мужчинам, мужского пола к женщинам, – искушают их и склоняют к соитию. К сожалению, в такой низменной форме все это в европейской культуре представлено. А если мы, допустим, возьмем культуру Востока, то там наличие божественной супруги – в первую очередь такой тип мифов касается мужчин – рассматривается как залог вдохновения, как залог магической силы и т. д.; он очень широко распространен, причем это касается и высоких цивилизаций, и сибирского шаманизма, и т. д.

Ну и наконец, Лосев обозначает третий тип мышления – современный – как номинативный, от слова *nominativus*, то есть «именительный падеж». И он подчеркивает, что номинативное мышление возможно вообще без мифологии, но

надо учитывать, что он все-таки писал в 50-е годы, когда иначе написать просто было нельзя. Но если уж мифология и есть, то она понимается как система разума. И здесь он приводит пример формирования олимпийского пантеона в Греции, когда образы богов становятся гораздо более гармоничными, и здесь для нас, кстати, очень важно, что именно на таком этапе формируются представления о родственных связях между богами, потому что сама по себе разветвленная генеалогия богов – когда бедный студент вынужден учить, кто кому приходился братом, папой, мамой, дядей, тетей, троюродным дедушкой – это уже результат рациональной обработки мифологии, и это действительно этап номинативного мышления. Но заметим, что эти три этапа в какой-то степени существуют вообще всегда. То есть, когда мы говорим вслед за Лосевым об эволюции, речь идет о том, какой этап у какого народа в какое время доминирует. Понятно, что черты инкорпорированного мышления мы обнаруживаем и сейчас, хотя, безусловно, мы живем в эпоху номинативного мышления, и это надо очень хорошо понимать.

Лекция 3. Герой шаманского мифа

Наша с вами сегодняшняя тема – «герой шаманского мифа». Прежде чем мы начнем ее разбирать, ответим на вопрос, который кажется очень простым. Кто такой в мифологии *герой*? Попробуем привести примеры каких-либо мифологических героев, например кого-нибудь из Древней Греции: Геракл, Персей, Тесей... Можем вспомнить Ивана Царевича или Ивана-дурака (ничуть не меньший герой и ничуть не меньше подходит). Что общего между Гераклом и Иваном-дураком? Между ними много общего. Но самое главное – это то, что и тот и другой регулярно совершают вольно или невольно (кстати, оба невольно) путешествия из мира людей в иной мир. Это, собственно, мы уже отчасти разбирали на первой лекции, когда говорили, что мифологическое мышление в принципе основано на представлении о мире людей и ином мире. Когда мы будем применительно к мифологии (я подчеркиваю – любой мифологии любого народа любой эпохи) использовать слово «герой», то для нас это в первую и главную очередь будет персонаж, который способен совершать путешествия из мира людей в иной мир. Именно его мы будем называть героем. Он может убивать чудовищ или оставлять этих «динозавров» доживать, он может быть умным или глупым – не важно, но в мифологии герой – это тот, кто способен на путешествие между мирами. Теперь

ответьте: обычный человек в другой мир войти может? Войти он, конечно, может. Но последствия будут весьма печальные, поскольку иной мир живых не принимает. Далеко не всегда это мир смерти. Но обычному человеку войти в мир богов губительно. С другой стороны, может ли бог войти в мир людей? У нас (если мы берем архаику, а мы ее и будем брать) достаточно много сказаний о том, что некое существо из мира богов приводят в мир людей. Как правило, это героиня. Как правило, она выходит замуж за героя. Что с ней бывает в мире людей? По тем или иным причинам она там погибает. Существо из иного мира точно так же не может жить в мире людей, как обычный человек не может существовать в мире богов. Именно поэтому и возникает образ мифологического героя, то есть медиатора – посредника между мирами, который своей деятельностью (и совершенно неважно, какая это деятельность) осуществляет «коммуникацию» между миром людей и иным миром. Он для этого и нужен. Он для этого и существует. Главное, что совершает герой: он странствует из мира людей в иной мир и, что существенно, обратно. Если он обратно «не пройдет», то какой же он герой?

При чем тут шаманский миф? И что такое шаманский миф? И почему мы о нем говорим, хотя шаманизм мы не изучаем? Здесь нам следует ввести одно важное понятие (оно нам понадобится позже, когда мы будем проходить Древний Египет). Понятие двойника.

Что такое двойник? У нас, людей христианской культу-

ры (независимо от нашего вероисповедания), есть достаточно четкое представление о душе. Что такое душа? Это некая бестелесная сущность, которая если выходит из тела, то человек или умирает, или впадает в состояние временной смерти. В отличие от души, двойник – точно такая же бестелесная сущность, которая может выходить из тела человека и возвращаться, при этом человек нормально функционирует. Выход двойника из тела не приводит к какой-либо форме смерти. Кроме того, двойников у человека может быть несколько.

Мы непосредственно подходим к шаманизму, потому что в основе шаманских представлений – мысль о том, что двойник есть у каждого человека. И обычный человек отличается от шамана тем, что шаман способен контролировать своего двойника, когда тот вне тела, а обычный человек на это не способен. Соответственно, для шаманских культур основная форма этой духовной практики заключается в следующем: если с неким человеком приключается беда, зовут шамана, который должен определить отсутствие двойника, найти его (с двойником, скорее всего, беда, потому что он попал на зубок в прямом и переносном смысле какому-нибудь чудовищу). Задача шамана – отправиться в иной мир, это чудовище одолеть и «заблудшую» душу вернуть. Понятно, что физически шаман никуда не девается (он находится в чуме, юрте), пляшет перед сородичами, перед больным, рассказывая весьма подробно о своем путешествии. Путешеству-

ет его двойник, он собирает команду «приключенцев» (духов-помощников) и вместе с ними отправляется на поиски. И дальше разворачивается совершенно захватывающее действие, невероятное по силе экспрессии, когда шаман рассказывает о том, где он странствует, что с ним там происходит, как он находит душу и возвращает ее. Это то, что касается (в упрощенной, беглой форме) практики шаманизма «обычного».

Когда мы говорим о шаманских мифах, речь идет не о рядовом шамане и не о рядовом шаманском странствии, а о шамане совершенно особом. И действительно, это шаман-первопредок, прародитель, учредитель рода и обычаев, который отправляется в потусторонний мир, но не за пропавшим двойником обычного сельчанина-соседа, а чтобы добыть различные предметы, без которых невозможна нормальная жизнь данного племени и которых в мифологической древности не было. Что он может добывать? Разумеется, орудия труда – таких мифов много. В равной степени он может добывать природные объекты: очень часто встречаются сказания о том, как первый шаман добывает луну и солнце (чрезвычайно распространенный сюжет). Он может добывать какие-либо магические силы, способности, умения, причем они всегда будут иметь конкретную вещественную форму (мотив языка животных). Все это он добывает. В ходе поисков он может встречаться с чудовищами, у которых эти природные и культурные объекты надо отнимать. Нередко

бывает сюжет о том, как шаман встречается хозяйку иного мира (одну из хозяек) и она становится его возлюбленной. Если брак носит временный характер, то разрешается все благополучно. Но если шаман приводит свою «небесную» супругу в мир людей, то все кончается плохо для нее (но и для него, возможно, тоже). Границу стирать нельзя. Итак, это сюжет шаманского мифа в самых общих чертах. Почему это для нас важно? Потому что этот сюжет становится основой для всех последующих форм. Сначала фольклорного творчества. А позже и литературного. Перемещение в иной мир, встреча с божественной красавицей из этого мира, схватка с каким-нибудь чудищем и так далее. Без труда можно понять, насколько на этом клише (особенно если «другой мир» – соседняя страна) строится большинство произведений литературы и кинематографа. Но нас сейчас интересует самое-самое возникновение и литературных, и фольклорных жанров. Возвращаемся к образу шамана-первопредка.

Первопредок

Само имя «первопредок» говорит о том, что у героя нет родителей. «Буратино, кто тебя воспитывает?» – «Когда папа Карло, когда никто». Когда мы берем конкретные мифы о первопредках (мифы сибирских народов), то там нам может встретиться, например, такая ситуация: о герое говорится, что он неизвестно откуда возник, упал ли с неба или вырос из земли, и единственный, кто воспитывает этого местного якутского «Буратино», – его конь, который исполняет по отношению к своему будущему господину обязанности отца. По известной молодежной поговорке: «Пусть конь думает, у него голова больше». Голова действительно больше, конь действительно мудрее хозяина. И конь постепенно учит его жизни, потому что герой идет методом «проб и ошибок», и количество ошибок у него весьма и весьма велико.

Я сразу хочу обратить ваше внимание на то, что поведение первопредка – не по правилам; нарушение человеческих законов, нарушение обычаев, даже естественных биологических форм жизни совершенно нормально и является показателем «божественности». Он не должен соответствовать человеческим нормам. И чем больше он отличается от нормального человека, тем он более могуществен и тем интереснее сказания о нем. Мы будем не раз еще к этому возвращаться, и я это буду подчеркивать: для героя мифологи-

ческого, медиатора, посредника между мирами, нарушение человеческих норм – это признак героизма. Героизма не в воинском смысле, а в мифологическом. Разумеется, как и любой нарушитель, он будет время от времени претерпевать наказания: мало ли, что ему положено, все равно он нарушает закон. И нарушает, заметим, законы не юридические («писанные»), а «неписанные». Итак, первая черта первопредка – его *анормальность* (несоответствие нормам).

У него нет нормальных родителей. В лучшем случае – сирота. Или неизвестно откуда взявшийся. Или очень часто встречается тема: родители – старики (и очень быстро они из сюжета выпадают). Кем только не воспитывается герой. Главное, что не папой Карло. С Буратино я, конечно, шушу – все-таки литературная сказка, – но в некоторых случаях можно обнаружить подлинные сюжеты о деревянной кукле.

Если племя, о котором ведутся эти сказания, настроено воинственно, то в таком случае будет сильна героическая (воинская) составляющая. Герой-первопредок будет в первую очередь сражаться с чудовищами. Это совершенно не обязательно, но может быть. Далее могут делаться различные акценты.

Во-первых, значимость деяний первопредка. Если акцент делается на этой стороне, то в дальнейшем, с развитием общества, первопредок обожествляется, и мы получаем «нормального», полноценного бога. Замечу, что в таком случае, при трансформации сказаний о предке в сказания о боге (и

самое главное – превращении образа первопредка в бога), как это ни парадоксально, все меньшее и меньшее значение будет иметь сюжет. Почему? Потому что бога почитают, как я уже говорила, за силу; рассказ о его подвигах становится вторичен и может отойти на второй, а иногда и на более дальний план, это вполне реально.

Если делается акцент на внешней чудесности всех деяний первопредка (путешествие в потусторонний мир, брак с хозяйкой и т. д.), то в таком случае вера в этого героя может уйти со временем. Но сказания настолько увлекательны, что прекрасно существуют без веры, просто как форма повествовательного фольклора, и тогда мы имеем превращение сказаний о первопредке в волшебную сказку.

Чем сказка отличается от шаманского мифа? Только одним: в сказку никто и никогда принципиально не верит, а в шаманский миф – верит. А больше особой разницы нет. Обратите внимание: сказки есть даже у очень архаичных народов, они прекрасно сосуществуют со сказаниями о первопредках, отличаются только отношением к ним.

И наконец, если в образе первопредка для нас становится главным то, что это защитник мира людей от чудовищ, то в таком случае подчеркиваются его (но это постепенно, очень медленно) человеческие качества. Сверхъестественное позже, со временем, уходит на второй план, а потом и на третий, и на десятый, и даже может исчезнуть вовсе, и из образа первопредка мы получаем эпического героя. Соответ-

ственно, сказания о первопредке трансформируются в героический эпос. Во всех случаях это процесс весьма и весьма небыстрый. Но мы знаем, что из сказаний о первопредке у нас постепенно возникают, эволюционируют собственно сказания о богах (миф в узком смысле), героический эпос и волшебная сказка. Источник един – сказание о первопредке.

Первая черта первопредка – сиротство. И вследствие сиротства неведение обычных для людей вещей.

Следующее – его облик. Это может быть получеловек-полуживотное. Размер далеко не всегда упоминается. Но иногда встречаются оброненные отдельные фразы: герой бьется с чудовищем, и бьется он так, что от этой схватки горы становятся долинами, а долины – болотами. Понятно, если мы имеем дело с таким описанием (а это цитата из вполне конкретного сказания алтайских тувинцев), речь идет об исполинах.

Хочу подчеркнуть, что в образе первопредка – такого, каким он дан, например, в сибирских мифах, – черты исполина будут скорее намечены, они еще не очень ярко развиты. А когда в сказаниях сибирских народов этот образ будет развиваться в эпосе, то тут его исполинский рост будет четко представлен и в сюжете, и в описаниях и так далее. Но намечается это все еще в более ранних формах.

Если мы берем формы эпические, то о размере героя и о его силе можно судить по ряду косвенных признаков. Сила будет непосредственно связана с ростом. Кто выше, тот

и сильнее. Уже приведенный пример про «равнины и болота» свидетельствует о том, что о степени силы можно судить по весу. И действительно, в некоторых случаях в эпосе будет подчеркиваться, что герой ходит, например, проваливаясь в землю – такой он тяжелый и, подразумевается, такой сильный. Причем что любопытно: сила его такова, что в мире людей ему не место. Чересчур большой для мира людей.

В эпосе очень часто мерилom силы становится аппетит. Берем пример из армянского эпоса. Жили-были два брата. Один из них опустился на морское дно. Там нашел чудесный источник. Напился из него. Стал в семь раз сильнее. И когда ему и его брату предлагают пройти испытание, кто больше съест, то тот, кто в семь раз сильнее, буквально съедает в семь раз больше. Мерилom силы оказывается аппетит.

И я уже в прошлый раз обмолвилась, что такой герой мыслится изначально каменнотелым, позже железнотелым. Соответственно, это его качество – неуязвимость – в той или иной форме существует у всех народов во все времена. Причем если это народ архаичный, то будет герой с каменным или железным телом. Если это развитая литература или кино, то будет все достаточно забавно. Потому что в буквальном смысле слова, конечно, в неуязвимость никто не верит. Но по сюжету герой будет попадать в самые немыслимые переделки, из которых будет непременно выходить целым и невредимым.

Например, сериал про Джеймса Бонда. В свое время од-

на из моих студенток написала очень хорошую курсовую как раз по мифологическим мотивам в «Джеймсе Бонде», которых оказалось более чем достаточно. То есть то, что было для архаических племен предметом веры, спустя века для цивилизованных людей становится литературным, а позже киношным штампом. А язык образов ничуть не меняется. Костюм меняется. Неуязвимость изначально мыслится как характеристика тела героя, так мы говорили про избыточный вес: естественно, каменнотелый герой будет, мягко говоря, тяжелым. Позже неуязвимость может переноситься на оружие и доспехи. Существует некий чудесный доспех, который позволяет герою быть неуязвимым. Здесь же возникает мотив магической уязвимости. Всем нам известная ахиллесова пята (но не только она, к этому мотиву мы еще вернемся). И наконец, на самых поздних этапах мотив неуязвимости уже не имеет никакого материального носителя. А просто герой не гибнет, потому что он герой. В хорошем произведении это мотивировано особыми поворотами сюжета. В не очень удачном произведении это ничем не мотивировано. Раз герой – значит, не гибнет, и логики никакой нет. Отсюда пародии на героя из романа XIX века, проплывающего десять километров под водой и живым выходящего на сушу. Примеры можно приводить сколько угодно.

Заметим, для архаики это не пять черт героя. Это его одна-единственная черта. Рост-вес-сила-аппетит-неуязвимость. Это единая характеристика героя, восходящая к об-

разу первопродка. Это его физические показатели. Дальше у нас начинаются характеристики психологические.

Такой герой, получеловек и, наверное, полусущество (позже полубог), чувствует в себе необъятную силу. Иномирную, божественную, какую угодно... И он (тело так или иначе человеческое) с этой силой не может справиться. И отсюда идет его знаменитая совершенно немислимая безумная ярость, которую он, конечно, направляет на врагов, но иногда и на своих, на тот самый мир людей, нуждающихся в его защите.

Я хочу на это обратить внимание, потому что, как говорится, сказка – ложь, да в ней намек. Дело в том, что с любым эпическим героем связан (и это очень хорошо прописано во многих умных книгах) мотив отсутствия взросления. Герой рождается сразу взрослым, он немедленно, с колыбели начинает делать то, зачем был послан в этот мир, он с завидной регулярностью погибает молодым. В огромных количествах сказаний предельный возраст жизни для героя – 17 лет. Семнадцатилетние в мировой мифологии гибнут толпами. При этом успевают совершить подвигов больше, чем любой взрослый человек даже весьма почтенного возраста.

И видимо, здесь, говоря языком мифологическим, описана вполне реальная ситуация, которая очень хорошо мне известна по нынешним молодежным субкультурам, поскольку я сама там провела много лет и, в общем-то, до сих пор к ним так или иначе принадлежу.

Если мы посмотрим на современные неформальные субкультуры, то там очень четко присутствует представление о себе как о «нечеловеке». Это не только случаи толкинистов-эльфов, потому что тут, с одной стороны, достаточно все организовано (внутренне организовано – не внешне конечно же) и, с другой стороны, не деструктивно.

А если взять организацию поменьше, то достаточно в Интернете посмотреть у молодежи аватарки с волками. Ощущение себя волком, вплоть до известной песни Медведева «Браво, парень, ты становишься волком», очень широко представлено. И многие другие случаи ощущения себя демоном. Опять-таки все это связано с подростковым возрастом. И в какой-то степени судьбу героя – конечно, эпического героя, но в некоторых случаях и более раннего типа героя – можно прочесть как судьбу подростка, который ощущает в себе нечто нечеловеческое (подчеркну еще раз – это присуще огромному количеству представителей молодежи). Он в себе это ощущает, он с этим не может справиться. И это приводит его в лучшем случае к просто деструктивным действиям объективно во вред себе и всем, а в худшем – к гибели. Этот невероятно яркий и избыточный в плохом и в хорошем образ, восходящий к первопредку, образу архаического героя, не является выдумкой, фантазией, если прочесть его как характер подростка.

Теперь от психологии и тому подобных вещей вернемся к мифологическим сюжетам. Итак, что мы имеем? Чер-

та первопредка – деструктивная беспричинная ярость, обращенная на всех, кто подвернулся под руку. В бою такой герой вполне способен в одиночку бить войско. Это, естественно, уже никакие не шаманские мифы, потому что сражения с войсками – классический эпос. Однако факт остается фактом. Такой герой, если рассуждать логически, сражается против вражеского войска в одиночку просто потому, что из «своих» нет дураков становиться с ним рядом. В бою он убивает всех. Хорошо, если это чудовище с большим количеством голов, – тогда безобидно. Отсюда в развитом эпосе появляется мотив ссоры эпического государя с лучшим из его воителей. Будь то Гомер с его Ахиллом и Агамемноном. Будь то Илья Муромец с князем Владимиром. Будь то Роланд, у которого есть некоторые сложности в отношениях с Карлом. И так далее, примеров много.

Мы выясняли, сколько герой ест; теперь – сколько он пьет. Алкоголь он хлещет так, что, как говорится, мама, не горюй. В качестве примера можно привести русского Илью Муромца, который стрелами посшибал золотые маковки с киевских церквей (к вопросу о размере) и пошел в кабак их (маковки) пропивать. Образ, который многих вдохновляет, к счастью, не на подражание. Можно взять что-нибудь более классическое. Например, греческого Геракла, который, как известно, приходит к кентаврам, просит, чтобы его друг открыл для него запасы вина, принадлежащие всем кентаврам, и когда кентавры прибежали на запах, то было уже поздно: от вина

ничего не осталось. Та же самая избыточность в употреблении алкоголя.

И наконец, третья характеристика психологического состояния этого самого милого и доброго персонажа – эротизм. Неумность чрезвычайно высокая. С тем же самым Гераклом известный пример, как он одну ночь провел с пятьюдесятью дочерьми царя Теспия. Примеры эротизма гипертрофированного, абсолютно неуправляемого, безумного можно довольно долго продолжать.

Еще одна черта образа первопредка, которая, подчеркну, для героя шаманского мифа, для героя архаического сказания прекрасно сосуществует с первыми двумя, а потом в эпосе категорически уходит. Это черта, связанная с его умом. В эпосе все будет просто и ясно. Герой будет сверхсильный, сверхъяростный. Сила есть – ума не надо. В шаманском мифе герой будет иметь выбор, как ему действовать: воинской силой или хитростью. Для героя шаманского мифа понятия хитрости, мудрости и магии абсолютно взаимосвязаны. Точно так, как и в предыдущих случаях, это не три черты, а одна. Победить хитростью не считается зазорным или бесчестным, это вполне достойная победа.

Выделение из архаического сюжета сказаний о богах, эпоса и сказки – очень четкий водораздел между шаманским мифом и более поздними эпическими формами.

Враг

Отдельная тема – образ врага. Чуть позже, когда мы будем разбирать книгу Владимира Яковлевича Проппа «Исторические корни волшебной сказки», мы коснемся образа врага подробнее, но сейчас нужно отметить тот факт, что изначально враг предстает чудовищем, враг предстает змеем. Что происходит с образом врага дальше? Он будет постепенно все более и более приобретать антропоморфные черты. Поскольку эпос – описание того, как мир людей воспринимает себя, то в какой-то степени эволюцию эпоса можно назвать эволюцией самоописания человека. И соответственно, то, что изначально мыслилось как образы чудовищ, со временем все более и более приобретает черты человеческие, а затем, с известной степенью допущения, и конкретных противников. Поэтому изначально образ врага – это змей. Позже – это слабо дифференцируемый монстр. Мы не можем составить его четкого портрета, не можем ясно объяснить, какой у него облик, но тем не менее это какое-то чудовище, которое, например, у сибирских народов приобретает черты огромного толстяка-исполина, получеловека-получудовища. Позже такое чудовище может мыслиться антропоморфным великаном в других формах, постепенно гипербола в его образе будет уходить. И наконец, уже на достаточно высоком этапе развития эпоса, враг будет приобретать черты срав-

нительно близкие к историческим (полностью историческими они никогда не будут), это будут черты подобия историческим врагам. И у нас тогда достаточно поздно возникает очень яркий эпический мотив – бой человека с войском.

Ваша покорная слуга написала в свое время небольшую, но насыщенную статью, посвященную поединку героя и чудовища. Такой бой я назвала архаическим поединком, потому что он имеет отчетливо выраженные мифологические черты. Статья довольно старая и нуждается в некоторых уточнениях, поэтому я скажу о ней пару слов. Если мы берем практически любое яркое эпическое сказание классического эпоса, не архаику, то мы видим, что или первый, или главный бой в жизни героя строится по очень четко прописанной схеме. На первом этапе герой поражает чудовище или антропоморфного врага (это вполне может быть поединок Ахилла и Гектора, а уж Гектор никаких черт мифического чудовища не имеет). Герой поражает врага с расстояния и этим достигает неполной победы. Что такое неполная победа? Варианты: чудовище ранено, чудовище не ранено, чудовище убило героя, но героя потом воскресят – и другие формы. На втором этапе герой вступает в контактный бой и, как правило, мечом, реже голыми руками убивает своего противника. Наконец, возможен третий, факультативный этап – истребление змеенышей (детенышей) этого самого врага (подчеркну, это именно монстр). Как объяснить структуру этого поединка? Я не буду сейчас цитировать свою статью, но там приводится матери-

ал на очень большом количестве примеров. Действительно, в самых разных культурах, весьма далеких друг от друга, мы видим поединок такой структуры. Почему структура боя настолько устойчива? Этому есть два ответа: в статье дан один. А сейчас уточню, что есть все-таки и второй. Разумеется, два ответа несколько не исключают один другого, просто это рассмотрение проблемы с разных точек зрения. То, что я писала десять лет назад, – объяснение чисто мифологическое. Дело в том, что когда герой бьется с чудищем на расстоянии, то он, как правило, в чудище стреляет из лука. Действительно, в качестве метательного оружия стрела – это наиболее удобное, наиболее распространенное, наиболее подходящее. Но стрела у огромного количества народов уподобляется змее (о ране от стрелы говорят «ужалила»). Существуют конкретные сюжеты, в которых стрелы превращаются в змей или наоборот, то есть взаимозаменяемость образов стрелы и змеи чрезвычайно высока. Иными словами, наш герой (подробнее об этом мы будем говорить дальше, разбирая книгу Проппа) имеет змеиные черты. Герой по своему происхождению родич змея. И соответственно, как родич змея, он обладает змеиной природой, он обладает змеиной силой. И он в первом этапе своего боя со змеем проявляет свою змеиную природу, которая воплощается в его оружии. Вновь, забегаю немного вперед, к книге Проппа «Исторические корни волшебной сказки», где говорится, что волшебный помощник героя изоморфен волшебному предмету, более того, что и

волшебный помощник, и волшебный предмет – это отделенные от героя магические способности. Таким образом, герой, сражаясь с чудищем, стреляя в него из лука, проявляет свою змеиную природу. Общую с врагом. И на этом этапе он не может достигнуть полной победы, потому что он должен победить как человек, не как родственник змея. Я повторю еще раз, формы этой самой неполной победы могут быть весьма разнообразны, даже до временной смерти героя, что вполне естественно для мифологического сказания.

На втором этапе он сражается абсолютно человеческим оружием. Более того, оружием воинским (оружие может быть вообще и не воинское, потому что крестьянин сражаться будет или цепом, или молотом, или вилами, или другими орудиями). Меч – это атрибут воинского сословия. Кстати, специалисты по боевым искусствам говорят, что для нанесения физических увечий меч менее удобен, чем топор, и применяется прежде всего как знак противопоставления себя другим сословиям.

Итак, на втором этапе герой использует меч, и здесь уже он убивает своего противника. Наконец, может быть истребление змеенышей. Таково одно из возможных объяснений, почему архаический поединок имеет настолько устойчивую структуру. Но возможно и другое, не противоречащее первому. Если мы берем сюжет волшебной сказки или же сюжеты литературных произведений, которые используют волшебную сказку как клише, то мы обнаруживаем достаточ-

но устойчивую повествовательную структуру. Сначала идет предварительное испытание, которое должно показать, что перед нами действительно герой. Затем идет основное испытание, ради которого сюжет, собственно, и затевается. И наконец, чтобы не обрывать историю слишком рано (интересно послушать еще что-нибудь), происходит третье, дополнительное испытание – идентификации героя, то есть герой должен доказать, что подвиг совершил именно он. Эти три этапа очень четко соответствуют тому, о чем мы с вами говорили, рассуждая об архаическом поединке. Предварительное испытание – бой с расстояния, основное испытание – главный бой и третье, дополнительное испытание, как бы замедление сюжета, – это истребление змеенышей. Таковы два объяснения устойчивости структуры архаического поединка. Любопытно, что в архаическом эпосе такого боя не будет – это признак классического эпоса.

Лекция 4. Миф, эпос и сказка

И теперь мы переходим к истории эпоса. Об этом я скажу два слова, потому что в свое время написала довольно хорошую статью «Четыре поколения эпических героев». Она вполне доступна, и, я надеюсь, вы ее прочтете. Буквально в двух словах. Герой архаического эпоса – это разобранный нами во всех подробностях яростный неистовый исполин, существо, наполовину принадлежащее к потустороннему миру, достаточно слабо себе представляющее законы человеческого мира. Такой эпос был распространен у народов, живших племенным строем. К счастью, успели записать большое количество сказаний народов Сибири и Дальнего Востока. И Сибирское отделение Академии наук продолжает издавать эпос Сибири и Дальнего Востока. Эти сказания, конечно, вымирают, но все-таки их успели зафиксировать.

С возникновением государственности меняется эстетический и этический идеал. Избыточная сила перестает считаться достоинством. Этот образ уходит в прошлое. Достоинством становится совершенно другое – соблюдение и поддержание человеческих норм. Соответственно, герой – это уже идеальный человек, совершенный во всем: он и искусный воин, и образованный, и благородный, и так далее. Одновременно и, может быть, стадияльно несколько позже развивается образ, восходящий к глубинам шаманского мифа, к

образу первопредка – образ трикстера, то есть хитреца, плута. Того, кто будет действовать хитростью. И далеко не всегда это будет приносить ему удачу. С трикстером достаточно часто будет ситуация и в шаманском мифе, и в эпосе, как он перехитрил сам себя. Самый известный образ трикстера в эпосе – это, конечно, Одиссей. Но Одиссей, хотя и известный плут, имеет черты самых разных поколений героев. В первую очередь это будет раннегосударственный герой, потому что хитростью Одиссей действует против неантропоморфных врагов (всем известная история Одиссея и Полифема).

И когда мы рассматриваем конкретные эпические тексты, деление героев на архаических и раннегосударственных, которое я отчасти сейчас озвучила и которое полностью приведено в моей статье, не срабатывает. В этом нет недостатка, потому что схема на то и схема, чтобы выявлять основные тенденции, а реальная картина, конечно, всегда сложнее и многообразнее. Итак, что мы имеем в реальных эпических традициях? Подавляющее большинство наиболее известных нам героев эпоса нельзя отнести однозначно ни к архаическим, ни к раннегосударственным. Они будут иметь черты того и другого. Опять же самый яркий из возможных примеров – это Илья Муромец. В некоторых случаях он имеет черты четкой архаики, в других – обозначается его «человечность» (не в смысле «гуманность»), соответствие физическим возможностям человека, когда он будет, например,

говорить, что по калачику в день ест, по чарочке выпивает. А о том, что в кабаке он пропивает золотые маковки церквей, об этом сказитель своевременно забывает, если вообще этот сказитель знал данную былинку.

«Исторические корни волшебной сказки»

Таким образом, мы заканчиваем историю эпоса и переходим к нашей следующей большой теме. Эта тема – книга Владимира Яковлевича Проппа «Исторические корни волшебной сказки». И прежде чем речь пойдет дальше, книга Проппа должна быть прочитана. Я не собираюсь ее вам пересказывать. И то, о чем я буду в дальнейшем говорить, – некоторый комментарий к книге Проппа. Поскольку книга была издана уже более шестидесяти лет назад (написана была еще раньше, потому что это его докторская диссертация и она была защищена перед Великой Отечественной войной, издана в 1948 году; естественно, за эти десятилетия наука шагнула вперед), некоторые положения Проппа нуждаются не то чтобы в корректировке, а в некоторых уточнениях.

Сначала несколько слов о самом Владимире Яковлевиче. В молодости он написал книгу, которая до сих пор остается одной из «священных» книг структурализма. Это книга «Морфология сказки». Весьма почитаемая в науке, сначала больше за рубежом, потом и у нас. Но, честно говоря, я эту книгу не люблю. И причин всеобщего безумия в связи с ней не понимаю, что, впрочем, не отменяет всех ее достоинств. В этой книге Владимир Яковлевич подробно описывает структуру волшебной сказки, доказывая, что сказки при

всем многообразии имеют структуру универсальную и чрезвычайно жесткую, что им весьма подробно выводится. При желании найти эту книгу несложно, прочтете. Затем он пишет, на мой взгляд, свою лучшую работу – «Исторические корни волшебной сказки», за которую его потом подвергают чрезвычайно жестокой критике. Надо понимать, что в советское время человек с немецкой фамилией («Пропп» – фамилия немецкая) мог иметь именно из-за фамилии серьезные проблемы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.